

Аксёнова Н.В.,

кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры украиноведения
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СИРОТСТВА: МЕЖДУ РОДИНОЙ И МАТЕРЬЮ

Аннотация. В статье рассматривается история становления системы воспитания и создания сирот в советском государстве от первых идеологических обоснований до эпохи «развитого социализма». Раскрывается механизм отстранения матерей от воспитания собственных детей в условиях тоталитарной системы и его роль в формировании *homo soveticus*.

Ключові слова: сиротство, социализм, мать, семья.

В истории человечества мы сталкиваемся с различными формами отношения общества к ребенку, его потребностям и условиям воспитания. Техники и принципы обращения с детьми, продиктованные, прежде всего, потребностями данного общества являются некими ценностными показателями состояния культурной среды [5, с. 16]. Исторические и межкультурные различия отношения к детям и некоторые методы воспитания имеют транскультурные универсалии, детство предстает как этап в жизни человека, в котором над ним проявляют различную заботу [11, с. 54]. Рассмотрим систему организации детских специализированных учреждений СССР с точки зрения причастности родственников, в особенности матерей (отцов) к воспитанию детей, их роли в процессе социализации детей и удовлетворения их потребностей. В различные периоды истории человечества отношения к роли матери в воспитании ребенка были различны [28].

Следует отметить, что пока не существует комплексного антропологического исследования культуры советских детских домов через призму отстраненного материнства. Под материнством понимается социальная опека ребенка, которая имеет так называемое материнское мышление, которое и определяет приоритеты и достижения, необходимые для взросления ребенка [31, с. 130-131]. Проявление этого феномена очень разнообразно как в психологии, так и в культурно-историческом аспекте [32]. Даже в современных подходах к системе опеки место передачи депривационного наследия оценивается неоднозначно, занижается оценка его значимости [30, с. 130]. Малоисследованными остаются принципы организации работы в детских домах, которые являются первопричиной формирования тех или иных условий социализации или десоциализации детей [24].

Целью работы является раскрытие методов становления и утверждения системы опеки над детьми в советском государстве с точки зрения их социализации в качестве людей нового типа. Именно такой

подход позволит раскрыть значения материнства для формирования общества и его соотношение с индивидуальным сознанием, ключевую проблематику которых очерчивает Э. Эриксон [37, с. 49].

Исходя из этого, постараемся исследовать соотношение форм опеки и культурных универсалий в поведенческих стереотипах обращения с детьми, на примере института государственного призрения в советском государстве, с момента его образования.

Идейные основы социалистической системы помощи матерям были созданы Александрой Коллонтай, которая в 1915 г. провела исследования состояния этого вопроса в различных европейских странах и констатировала полное отсутствие решения вопроса помощи женщинам-матерям, их социальную незащищенность и острую связь обеднения матерей с милитаристским курсом большинства европейских держав [9]. Уже в 1922 г. в предисловии ко второму изданию своей книги «Общество и материнство» она призывает решить проблему помощи обедненным матерям с помощью создания государственной структуры, которая бы заботилась над всеми детьми в государстве [10]. Становление социалистического государства сопровождалось утверждением превосходства общественного воспитания «женщина-работница не может не оценить всех благ общественного воспитания. Материнское чувство заставляет ее желать общественно-го воспитания детей» [13, с. 97]. Действенным проявлением принципа общественного воспитания стало повсеместное создание к концу 20-х годов детских садов как для работниц, так и для селянок. Воплотился этот принцип в условиях коммун, где дети даже спали в помещениях отдельно от родителей. Главной целью «правильной» организации учреждений для сирот являлась социализация ребенка в условиях советского общества, поскольку именно она решала «будущее целой массы ребят» [12, с. 6]. Именно осознание системы социальной «защиты» подобных детей стало главной из целей социалистического государства и было оформлено юридически [7].

Отдельно заслуживают внимания созданные в 20-е годы школы-коммуны для беспризорных детей и рекламная кампания развернутая на основе положительного опыта А.С. Макаренка. Но следует учитывать, что при внешнем слепом копировании опыта создания подобных детских учреждений упускалась одна немаловажная деталь — воспитанники А.С. Макаренка сами работали для обеспечения своей жизни. Само успешное существование Куряжской колонии было основано на экономических

принципах НЭПа, с созданием прибыльного производства (завод фотоаппаратов ФЭД), не смотря на то, что в нем были заняты малолетние преступники. Социализация, происходящая через трудовую занятость, способствовала формированию и росту личностных качеств — «*в нас видели личность, с нами советовались по всем вопросам. Без нашего одобрения не начинали ни одно дело*». Подобная организация системы работы с беспризорными не правило, а исключением вызванное десятилетним отклонением от курса советизации в рамках политики НЭПа. Повторение подобного опыта не могло быть предпринято в условиях обобществления производства и весь опыт «педагогика по Макаренко» следует считать проявлением социалистической утопии. Наглядным примером этому является сама Курьянская колония, которая в период развитого социализма стала среднестатистической мужской колонией для малолетних преступников. К началу 30-х годов в подобные учреждения автоматически направляются дети репрессированных и арестованных. Эта налаженная система общественного воспитания опекала массовое сиротство военного и послевоенного периода. С помощью этой же системы были выращены и дети арестованных за пребывание на вражеской территории и активистов национальных движений в 40-х и начале 50-х годов. Утвердившаяся в середине 50-х система коммунистического воспитания детей через сеть школ-интернатов воспитала женщин, страдающих симптомом «*праздничной мамы*» — к началу 70-х в СССР возросло количество брошенных в родильных домах детей. Исследования доказали решающую роль в формировании личности так называемой «лагерной депривации», при которой большинство из детей-узников не смогли дать впоследствии полноценное, с психологической точки зрения, воспитание своим детям, что привело к эмоциональной депривации от поколения к поколению. Уже в 70-х в советском государстве появились своего рода династии — *очень часто брошенный родителями ребенок пойдет по тому же пути: тоже оставит сына или дочь в родильном доме, сдаст в детский дом, интернат. Вот и воспитывается в одном и том же детдоме сначала мать, потом дочь, таких случаев все больше и больше* [4, с. 80].

Следует отметить, что принцип отстранения матерей от воспитания детей проявлялся не только в специальных детских учреждениях, а и во всей социалистической системе воспитания. Женщины ограничивались в возможности опекать собственных детей, так как большинство из них по ряду причин старалось к году ребенка вновь выйти на работу. Это диктовало новый тип отношений между ней и ребенком — массовым явлением социалистического быта стали садики-пятнадцатки, в которых дети забирались домой только на выходные.

Всех детей, которые попадали в советские школы-интернаты можно условно разделить на 4 категории: «отказники» (дети, брошенные в роддоме), полные сироты, но имеющие каких-нибудь родственников, дети, имеющие одного из родителей (отца или мать) и дети из многодетных семей. Следует отметить, что

дети первой категории попадали в школы-интернаты довольно редко, потому что «отказников» (речь идет о группе здоровых детей, а не содержащихся в специализированных медицинских домах ребенка) к 7 годам чаще всего усыновляли. Но такие дети составляли всего 10-15 % от всех учащихся. Таким образом, весь основной массив воспитанников составляли не круглые сироты, а дети, которые имели кого-то из родственников, более того — свыше 2/3 всех детей имели родных матерей, которые навещали их в детских учреждениях. Такое положение вещей объясняется просто — практика лишения родительских прав носила в советский период массовый, эпидемический характер. По статистике, родители 65-70 % детей, содержащихся в школах-интернатах СССР, были лишены родительских прав. К тому же за время процветания советского образа жизни количество детей, оставленных матерями в детских домах имело тенденцию к гиперросту.

Предпочтение всегда отдавалось лишь государственной форме опеки, при которой дети сразу попадали в зону повышенного насилия и становились объектом формирования у них девиантного поведения, его навязывания. Даже не завуалированным и преобладающим в социалистической системе воспитания сирот был подход к воспитанникам, как к будущим правонарушителям. Постоянное напоминание о наибольшей реальности их будущего как связанного с системой наказания за правонарушения. По сути, уже с младенчества эти дети представляются не только особой субкультурой, но и являются классом «отверженных» в социалистическом государстве. Именно наличие подобного класса в структуре социалистического общества позволяет формировать тоталитарную систему «страна=зона». Свидетельствами о том, что условия содержания в детских домах не только напоминали закрытые учреждения для правонарушителей, сравнения зачастую были не в их пользу — «*после детдомовских «особых условий» в спецПТУ ей показалось все легким и понятным*» [4, с. 73]. Заметим, что здесь речь идет о закрытом, тюремном заведении для юных правонарушительниц.

Сама система «исправления» трудных подростков была тождественна тюремной и воспринималась как необходимое условие формирования в них качеств «настоящего советского человека» — осознанной организованности и дисциплине через внутреннее восприятие режима надзора. Например, воспитанницы спецПТУ в день самоуправления не только выполняли самостоятельно хозяйственные работы, но и осуществляли надзор над своими товарищами, попавшими в дисциплинарные комнаты, проверяли посылки [4, с. 74]. Выполнение функций надзирателя не только закрепляло за воспитанниками устойчивое восприятие себя как предмета надзора, но и всячески лишало навыков полноценных межличностных отношений, а тем более — семейных.

Воспитание в школах-интернатах носило форму не материнской опеки, а формального надзора над детьми с большей или меньшей долей вторжения в их внутренний мир и обезличивания взаимоотношений. Контроль над собой считали правомочной

70% воспитанников интернатов и только 10 % из них признавали ценность своей собственной точки зрения [26, с. 140]. Таким образом, система интернатского воспитания не только не формировала цельную личность, а наоборот. Дети, воспитываемые в специальных учреждениях, страдали пассивностью, отсутствием к способности сопереживания другим людям. В старшем возрасте у них формируется особая внутренняя позиция. Она выражается в слабой ориентированности на будущее, связанной с актуальной, конкретной жизнедеятельностью, конфликтностью системы требований, предъявляемых к мужественности и женственности, ориентированность в отношениях к себе на оценку окружающих, а не на собственную самооценку [27, с. 248-249]. Нигилизм подчеркивался и тем, что всех детей называли исключительно по фамилиям. Удоставались имени только самые исключительные из детей, за какие-то заслуги, воспитатели всячески подчеркивали использование имени как поощрения и не гнушались использовать этот прием в ситуациях, когда других детей нужно было уничтожить. Всеобщее принижение и психологическое давление — преобладающий метод воспитания в системе советских интернатов. Но в основе принятия ребенком этой системы и формирования антиповедения лежит принцип покинутости, отверженности прежде всего родной матерью: *«Мать меня ненавидит — это ясно: сколько ей от меня неприятностей, хотя и без меня тошно от одинокой жизни. В школе... классный руководитель говорит, что я конченный человек, директор школы, что я не нужна советскому обществу. И я сама в это поверила — как не верить, если каждый день только это тебе внушают»* [4, с. 85].

Первоисточником психологического угнетения ребенка и всяческого насилия над ним является негативное отношение матери к ребенку. Самоустранение родителей от системы воспитания ребенка приводит к резкому негативному отношению к нему окружающих. У детей, независимо от того, к какой возрастной группе они принадлежат, плохие отношения с родителем или родителями, они не ощущают родительской поддержки, они, возможно, окажутся втянутыми в противоправные действия, будут агрессивными к окружающим [2, с. 94]. Этот принцип лежит в основе жестокого обращения с ребенком, именно физическое насилие над ребенком и жестокость в обращении с ним в 9-10 раз увеличивает риск предприятия им самим противоправных действий [17, с. 106]. Отсутствие принципов материнства в системе опеки является первым и самым весомым фактором вовлечения ребенка в зону насилия не только как объекта, но и субъекта насилия. Особое место в системе насилия, как следствие нарушения материнского принципа воспитания, занимает проклятие. Материнское проклятие (как впрочем, и любой негатив по отношению к ребенку) воспринимается как первый и существенный признак ее самоустранения, именно таким образом ребенок теряет ее социальную защиту, прекращает ментальную связь с ней [21, с. 92].

Любое вмешательство в систему отношений дитя=мать ведет не только к созданию неблагоприятных для взросления ребенка условий, а формирует, прежде всего, отсутствие проявления у детей любви в первую очередь к своим родителям, а также ко всем окружающим. Следует отметить, что сам институт материнства является саморазвивающейся общественной структурой и изменяя модель материнства общество вносит изменения в общественные отношения, по сути моделирует себя [32, с. 214]. Образ матери следует рассматривать как некий медиатор запретов и поощрений, необходимый для формирования у детей целостной системы восприятия мира и приобретения жизненных ориентиров, основанной на подходе к ребенку как будущей личности. Первоочередным условием нарушения формирования у детей подобного мироощущения является отчуждение детей от их матерей и всяческое нивелирование этого образа. Напомним, что условие связи с матерью является единственным действенным социокультурным феноменом, способным прекратить насилие [36, с. 169]. На мой взгляд, именно этот принцип лежит в основе психологических проблем, связанных с формальным или реальным лишением ребенка общения с матерью.

Материнская депривация¹ — главная причина формирования детских страхов, снижения познавательной деятельности, отсутствия базового доверия к миру [26, с. 74-87]. Большинство из детей в результате депривации приобретают синдром так называемого госпитализма [29, с. 82]. Как следствие этого, у них не формируются личностные качества, у преобладающего большинства воспитанников школ-интернатов занижена самооценка, неправильно формируется «образ Я» [25, с. 157].

Как следствие этого боязнь самостоятельной жизни у таких детей, боязнь окружающих как источника насилия — *«боюсь, что у меня будет плохая жизнь, что попаду в тюрьму»* или *«боюсь встретиться с плохими людьми»* [29, с. 23].

Ребенок, воспитываемый в условиях приглушенной функции матери почти сразу же приобретал депривационный синдром, наименьшим злом которого были повсеместные невротические расстройства, зафиксированные у 2/3 опекаемых детей [3, с. 14]. Разнообразные детские учреждения расширяли возможность ограничить ведущую роль матери в воспитании собственных детей, в результате чего в зону отчуждения и насилия попадали не только дети, но и матери, «отказавшиеся» от своих материнских функций.

При этом следует различать действие депривационного синдрома в условиях смерти матери и при ее наличии (сироты при живых родителях). Функция матери очень разнообразна, ее нельзя переоценить как основополагающую дефиницию в формировании социального и культурного поведения, включая тайные знания. Но самая главная функция матери — быть заступницей, покровительницей как при жизни, а особенно после смерти [18, с. 197]. Поэтому смерть

¹ Депривация — от англ. deprivation лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей.

матери психологически воспринимается ребенком с меньшим стрессом, нежели ее отказ от ребенка, любая, иницируемая ею самой, депривация. Иная психологическая модель поведения и у детей, которые были оставлены матерью после рождения и тех, кого бросили позже, менее психологически защищенными выглядит группа детей, «выброшенных» из семьи [29, с. 85]. Но следует отметить, что даже в этом случае дети, имевшие опыт семейного проживания, порой даже очень негативный, все же более коммуникабельны и восприимчивы к воздействию взрослых, чем дети, у которых никогда не было семьи [19].

Мать никто не может заменить, даже при самом большом усилии. Разлука ребенка с матерью в первые месяцы и годы жизни, особенно на продолжительный срок, отрицательно сказывается на его психическом развитии [34, с. 70]. Именно так создается механизм формирования у ребенка девиантного поведения, вызванного, прежде всего, отсутствием личностных отношений. Поэтому попасть в категорию «трудных» наибольший шанс имели дети с обделенным материнством — воспитываемые матерью-одиночкой, многодетной матерью (в условиях ее занятости на работе), полусироты и сироты. Таким образом, разрушалась не только физическая связь с матерью (отцом), но трансформировался так называемый «внутренний образ матери», необходимый ребенку для нормального развития в период расставания [33, с. 143]. В этой связи следует отметить, что принципы материнства распространяются на того человека, который берет действенную заботу о ребенке на себя, вне зависимости от пола и возраста. Примером этому служит обращение ко всем взрослым детдомовских детей эпитетом мама, даже к мужчинам — *«Директор пришел! Мама пришел!»* [8, с. 36]. Материнство — главное условие благополучного существования ребенка, принцип его становления как личности. Именно такой культурный смысл подсознательно приемлет и моделируется детьми, лишенными материнской опеки, они любой ценой стараются вернуть себе ощущения своей значимости, комфорта и защищенности создавая эрзацобразы этого феномена человеческой культуры — *«Теперь ты будешь нашей мамой?» — спросил он. Он будет спрашивать об этом и других женщин, детдомовских воспитательниц, малыши долго помнят мать и мечтают о ней. Если войдет в комнату к детдомовским малышам женщина без белого халата, так и бросятся к ней навстречу с криком «мама!»* [4, с. 53].

Но, не смотря не все выше перечисленное, определение ребенка в советские специализированные учреждения осуществлялось довольно простой процедурой, требующей письменного заявления родителя или опекуна ребенка о необходимости содержания его в школе-интернате или детском доме. В этом случае или в случае лишения родителей родительских прав очень редко дети переходили под опеку кого-то из родственников. Чаще всего, закрепляемый формально за ребенком опекун, чаще всего отдавал ребенка под полную опеку государства, ограничивая свои обязанности до проведения с

ним вместе каникул и выходных, дарения небольших подарков или денег. Права ребенка нарушались и тем, что усыновленный мог претендовать только на наследование после своего опекуна и утрачивал не только личные, но и имущественные права по отношению к своим родителям и родственникам, за исключением начисляемых государством пенсий и пособий [20, с. 128]. В свою очередь, государство не отчисляло даже с родителей, лишенных в судебном порядке родительских прав, соответствующих алиментов на содержание собственных детей. В социалистическом государстве отсутствовали не только нормы смешанной опеки детей, но и практика установления первоочередной опеки ближайшими родственниками. В большинстве случаев действовал возрастной ценз или признание недееспособными, имеющихся у детей бабушек и дедушек.

Скрытым смыслом этих действий является утверждение права собственности на детей со стороны государства (с повсеместным лоббированием этого права со стороны как юридических, так и физических лиц, задействованных в системе опеке) и нет малейшего желания делиться этой собственностью с другими. По сути, мы сталкиваемся с правом вето государства на репродуктивную функцию человека, лишение или ущемление его прав на потомство. Ярким примером наличия политики отчуждения в системе опеки является постоянное разделение родственных детских коллективов (братьев и сестер), отсутствие правила усыновления детей-родственников одними родителями. Наиболее важным смыслом отчуждения детей в свою пользу государством состоит в поддержке определенных символов воспитания, так необходимых для существования социалистической системы. В системе обобществления детей были задействованы различные управленческие структуры советского общества, был создан целый конвейер государственной опеки. Напомним, что дома ребенка были подчинены Министерству здравоохранения. Потом ребенка определяли в школу-интернат и он становился объектом опеки со стороны Министерства образования, в последующем большинство воспитанников поступали в ПТУ, которые имели свой собственный управленческий аппарат. Бюрократизация процесса опеки над детьми только обостряла проблему формирования в опекаемых личности и ее всесторонней социализации. Основопологающим в этом процессе был принцип обобществления детей, их использования в системе социалистического государства в качестве марионеток, что было максимально понятно даже их биологическим матерям — *«Одна мамаша родила мальчика, не состоя в браке, отказалась от него, как говорит «в пользу Советской Армии»* [4, с. 66].

Общественная мораль порицала не только рождение внебрачного ребенка, но и всяческое воспитание чужих детей. Для усыновления старались брать малышей, которые не понимали, что они усыновлены, чтобы скрыть от окружающих условия появления ребенка в семье. Государственные органы опеки даже в случае отказа матери выполнять свою функцию, формально выполняли это условие: усыновлялись только те дети, матери которых отказались от них

письменно. Большая часть брошенных, подкинутых детей так и не смогла получить новых родителей, потому что их матери не оставили письменных заявлений своей воли отдать ребенка на усыновление — *они регулярно поставляют сирот в дом ребенка, но официально от детей не отказываются. Таким образом, государство растит детей, а на закате своей беспутной жизни они имеют право требовать от своих выросших детей материальную помощь и заботу...* [4, с. 66]. Этот формальный признак тысячи детей лишал возможности получить приемных родителей. Такое положение дел полностью противоречило даже действующему советскому законодательству, по которому усыновление могло осуществляться без согласия на то родителей в случае неучастия их в воспитании либо содержании детей [20, с. 130-131]. Пренебрежение этим правом ребенка на усыновление еще раз подтверждает завуалированное обобществление детей. Государственные службы не спешили воспользоваться законными основаниями лишения родительских прав родителей, дети которых уже находились в интернате и могли быть усыновлены в силу отсутствия опеки над ними со стороны их биологических родителей. Ярким примером служит судьба Тани Берестовой, которую вернули в детский дом из семьи усыновителей, лишь потому, что мать Тани вовремя не лишили родительских прав и хотя она не появлялась, формально имела права на девочку [4, с. 70].

Напомним, что процедура усыновления в СРСР не имела промежуточных этапов опеки и могла растягиваться с момента подачи заявления гражданами, желающими усыновить детей, на долгие годы с прохождением различных комиссий и сбором соответствующих справок. Случай усыновления полных сирот в статистике советского государства являлся исключением, а не правилом [20, с. 127]. Квартирный вопрос и урбанизация существенно сокращали процент желающих осуществлять опеку над детьми [35, с. 21].

В социалистической системе приоритетной была государственная опека, а не создание ребенку необходимых условий для всестороннего развития.

Дети всячески лишались возможности полноценного общения с собственными матерями или отцами: в интернатах не было специальных комнат для возможных приездов родителей и соответствующих встреч. Не правилом, а исключением следует рассматривать свидетельство о том, что в школе-интернате детей приглашали к столу и оставляли в школе на ночь [23, с. 176]. Детей отпускали на выходные к родственникам, но никогда не приветствовали появление последних в стенах интерната, совместное пребывание ночью родителей в детских учреждениях всячески пресекалось как нарушение режима детского учреждения. Проповедовалась второстепенность материнской заботы над детьми, опека над которыми принадлежала государству. Признавалась второстепенность и неполноценность материнской опеки, отсюда постулат ненужности соединения этих двух форм опеки. Отдав ребенка в систему опеки государства, матери больше не

заботились о них, случаи возвращения детей из детских домов обратно в семьи были нонсенсом [4, с. 61]. Искусственное отстранение матерей от процесса взросления детей породило психологию самоустранения матерей от процесса воспитания, рассматривая его как вид трудовой деятельности. Такие матери руководствовались лозунгом «*Воспитывайте, как положено! Вам за это платят!*». При малейшем упоминании об их ответственности следовала шаблонная реакция — «*А вы меня не учите. Работайте, вам за это платят. А то все мать да мать. А куда смотрела школа? Никто работать не хочет*» [4, с. 144]. В условиях развитого социализма и на постсоветском пространстве констатируется резкий всплеск так называемого социального сиротства — повсеместный отказ родителей от детей [29, с. 4].

Отсутствие ласки в условиях материнской депривации можно приравнять к наказанию. Только в условиях наличия возможности предоставлять матери радость лежит формирование у ребенка положительных эмоций и качеств. В материнской любви истоки будущей любви ребенка [34, с. 70]. Без подобных отношений ребенок моделирует свою собственную антисоциальную систему поведения, основанную на агрессии как крайней форме отчаянья в поисках любви [22, с. 63]. В самой же системе социалистической опеки физическое наказание рассматривалось как благо — ребенок должен быть обязан за то, что к нему прикоснулись с целью остановить его непристойное поведение. Система интернатского воспитания формирует в детях негативную эмоциональную зависимость, при которой внимание взрослых, которого так не хватает детям без матери, завоевывается вызывающим поведением, нарочитым непониманием. Сознательно или неосознанно, но воспитатели стремятся культивировать такую зависимость, рассматривают ее как проявление любви [26, с. 140]. Кроме подобной эмоциональной зависимости, дети четко формировали у себя осмысления себя как «*других*» по отношению к детям, воспитываемым в семье. Интернатская семья строилась по системе «*благодарные дети должны вести себя хорошо*» и неважно, какими методами воспитатели добивались соблюдения подобной нормы. Само пребывание в среде интернатских детей приравнивалось к работе с «*зараженными*», а отсюда сами инфицированные должны понимать на какие жертвы ради них идут «*здоровые*». Отношение персонала к детям, методы работы с ними заслуживают отдельного исследования с точки зрения семантики поведенческих стереотипов и навыков обращения.

Сформированная в условиях социальной депривации, субкультура специализированных детских учреждений, маркировалась такими эпитетами как «*интернатские*», «*инкубаторские*», «*отказники*», «*детдомовские*». Формируется среда обитания, которая характеризуется унылым однообразным оформлением жилого пространства, плановым ведением хозяйства, по которому в детском доме *все расходы должны соответствовать плановой смете, а по ней лишнее иметь не положено*. Это ведет к последней цепи деприваций: одежда «*приютская*»

без излишеств и зачастую лишняя вкуса, пища нормирована (лишний кусочек вкусного не предполагался даже в очень хороших детских столовых). Советские сироты все время страдали от недостатка таких простых предметов, как, например, носки, возможности подобрать обувь по ноге каждого ребенка из тех партий, которые оптом закупались каждым детским учреждением, еще большей проблемой было сохранение на этой обуви шнурков, особой категорией предметов роскоши было хорошее нижнее белье. Оно было предметом зависти, его чаще всего воровали. Особенно проблемным стоял вопрос о половом воспитании детей в специализированных детских учреждениях. Актуальность систематического решения этого вопроса поднималась только в 20-е годы [6].

Ограниченность в самых необходимых вещах приводила к синдрому фрустрации. Защитной реакцией при этом является агрессия, снижение сложности поведения, появление неуверенности в себе [26, с. 124]. Система постоянной депривации деформирует личность ребенка и приводит к замещающему удовлетворению потребностей, что десоциализирует детей [14].

Именно наличие четко сформированной субкультуры «брошенных» детей приводило к тому, что совместное воспитание детей воспитателей и учителей специализированных детских учреждений вместе с воспитанниками практиковалось крайне редко. К тому же социалистические принципы общественного воспитания не способствовали воспитанию в советской семье вместе со своими детьми еще и сирот или полусирот.

Отсутствие различных методик и программ вхождения во взрослую жизнь, вызывало у многих воспитанников шок самостоятельной жизни и своей полной непригодности к осознанному труду или обучению, без соответствующей опеки: питание, проживание, бытовые услуги. Неразрешимость этой проблемы объясняется и приглушенным проявлением эмоционального контакта между воспитателями и воспитуемыми, без которого не возможно овладение ребенком, так называемым «деловым общением», с помощью которого ребенок учится ставить перед собой и решать разнообразные задачи [15, с. 98]. Следует отметить, что в системе специальных учреждений наиболее профориентированными и социализированными в советский период были дети с особыми потребностями, которые содержались в специализированных интернатах, где и получали навыки различных профессий [1]. Детям с обычных интернатов изучение специальных профориентационных курсов по индивидуальным программам не предусматривалось. Дети поддерживали со взрослыми только рентные отношения, при которых взрослые воспринимались ими только как услуга, личностные отношения сводились к эмоциональному донорству. К тому же воспитанники детского дома идеализировали взаимоотношения в семье, мифологизировали ее образ [27, с. 241]. Именно поэтому на практике, даже имея большое желание создать нормальную семью, они часто терпят неудачу и вынуждены создавать семьи с членами той самой девиантной группы [26, с. 49].

Система социалистического воспитания десоциализировала детей, находящихся под опекой государства, вырабатывала у них комплекс изгоев, людей постоянно находящихся в зоне насилия. Преобладала (даже для общеобразовательной школы) система воспитания, основанная на отстранении матери от процесса социализации ребенка, замены ее функций государственным аппаратом. Именно она сформировала в социалистическом обществе цепь эмоциональной депривации, передаваемую из поколения в поколение.

Литература

1. Біла Л. В. Реалізація принципів гуманітарного підходу в діяльності школи-інтернату // Теорія і практика особистісно-орієнтованої освіти. — Запоріжжя, 2003. — Ч. 1. — С. 18-22.
2. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб., 2001. — 352 с.
3. Вихованці інтернатів про себе і про життя. — К., 2000. — К.1. — 134 с.
4. Воскобойникова С. А. Нет чужих детей: Раздумья о проблемах современного сиротства: Кн. для учителя. — М., 1989. — 175 с.
5. Демоз Л. Психистория. — Ростов н/Дону, 2000. — 512 с.
6. Залкинд А. Б. Половой вопрос и трудные дети // Детская беспризорность и детский дом. — М., 1926. — С. 105-115.
7. Зінченко А. Безпритульність як соціальне явище (до історії розв'язання проблеми) // Соціальна політика і соціальна робота. — 1998. — №1-2. — С. 78-79.
8. Католиков А. А. Моя семья. Записки директора Сыктывкарской школы-интерната для детей-сирот №1. — М., 1990. — 166 с.
9. Коллонтай А. Общество и материнство. — М., 1922. — В. II. — 572 с.
10. Коллонтай А. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. — М., 1921. — 544 с.
11. Кон И. С. Ребенок и общество. — М., 1988. — 270 с.
12. Крупская Н. К. К вопросу о детдомах // На путях к новой школе. — 1924. — № 6-7. — С. 6-9.
13. Крупская Н. К. Школьная муниципальная программа. — М., 1957. — Т.1. — 215 с.
14. Лангмейер Й., Матейчик З. Типы депривационной личности ребенка в учреждениях // Лишение родительского попечительства: Хрестоматия. — М., 1991.
15. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. — М., 1986. — 144 с.
16. Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988. — 305 с.
17. Миньковский Г. М. Неблагополучная семья и противоправное поведение подростков // Социологические исследования. — 1982. — №2. — С. 105-112.
18. Невская Л. Г. *Мать* в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1982. — М., 1983. — С. 197.
19. Неупокоева Н. М. Особенности общения младших школьников со взрослыми и сверстниками // Психология формирования личности и проблемы обучения. — М., 1980. — С. 54-63.
20. Нечаева А. М. Брак, семья, закон. — М., 1984. — 144 с.
21. Никитина А. В. Традиционные представления о нарушении отношений «мать-дети» и о нейтрализации их последствий у славян // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антологических дисциплинах. — СПб, 2001. — С. 85-100.

22. Осницкий А. К. Психологический анализ агрессивных проявлений учащихся // Вопросы психологии. — 1994. — №3. — С. 61-68.

23. Панченко З. Н. Работа школы с семьей и общественной ответственностью // Вопросы воспитания детей в школах-интернатах. — Тамбов, 1961. — С. 174-181.

24. Пиклер Э. Современные формы проявления госпитализма // Лишение родительского попечительства: Хрестоматия. — М., 1991. — 223 с.

25. Прихожан А. М. Анализ содержания «образа Я» в старшем подростковом возрасте у учащихся массовой школы и школы-интерната // Возрастные особенности психического развития детей. — М., 1982. — С. 137-163.

26. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Дети без семьи. — М., 1990. — 160 с.

27. Психическое развитие воспитанников детского дома. — М., 1990. — 264 с.

28. Пушкарева Н. Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X-XV вв.) // Этнографическое обозрение. — 1996. — №6. — С. 93-106.

29. Сиротство как социальная проблема. — Минск, 1999. — 144 с.

30. Соціальна робота: Короткий енциклопедичний словник. — К., 2002. — К.4. — 536 с.

31. Феминология. Словарь терминов. — Харьков, 2002. — 291 с.

32. Филиппова Г. Г. Психология материнства. — М., 2002. — 240 с.

33. Фрейд А. Разлука с матерью // Лишение родительского попечительства: Хрестоматия. — М., 1991. — С. 142-143.

34. Хорват Ф. Любовь, материнство, будущее. — М., 1982. — 96 с.

35. Щелованов Н. М. Основные предпосылки для организации воспитательной работы в домах младенца // Лишение родительского попечительства: Хрестоматия. — М., 1991. — С. 18-22.

36. Щепанская Т. Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современной субкультурных традиций) // Антропология насилия. — СПб, 2001. — С. 115-177.

37. Эрикссон Э. Детство и общество. — Обнинск, 1993. — 56 с.

Аксёнова Н. В. Історія радянського сирітства: між Батьківщиною і матір'ю. — Стаття.

Анотація. У статті розглядається історія становлення системи виховання і створення сиріт у радянській державі з періоду перших ідеологічних обґрунтувань до епохи «розвинутого соціалізму». Розкривається механізм відсторонення матерів від виховання власних дітей за умов тоталітарної системи та його роль у формуванні *homo soveticus*.

Ключові слова: сирітство, соціалізм, матір, родина.

Aksionova N. V. History of the Soviet orphanhood: between the Native land and mother. — Article.

Summary. In article the history of formation of an educational system and creation of orphans in the Soviet state from the first ideological substantiations till an epoch of «the developed socialism» is considered. The mechanism of discharge of mothers from education of own children in the conditions of totalitarian system and its role in formation *homo soveticus* reveals.

Keywords: orphanhood, socialism, mother, family.